

МИХАИЛ ШАПОВАЛОВ

“ТЫ ДАЖЕ ТЕНЬЮ ЗНАМЕНИТ...”

Первый раз, еще не будучи с ним знаком, я увидел Вадима Валериановича Кожина в общежитии литературного института на улице Добролюбова. Он стоял против лифта на пятом этаже. Хорошего роста... подтянутый... поблескивали стекла очков... сквозь них смотрели внимательные глаза... Курил сигарету, вставленную в простой черный мундштук. У него была известность: критик и литературовед. Шла журнальная война между “либералами” и “консерваторами”, и Кожин считался одним из лидеров “консерваторов”. Помню, поэт Федор Сухов говорил мне:

– Вадим – лучший критик в Москве... Умный... Вся русскую лирическую поэзию наизусть знает!

В сентябрьском номере за 1971 год журнал “В мире книг”, где я работал, опубликовал статью Кожина “Величие Достоевского”. В ней автор полемизировал с оценкой героя “Преступления и наказания” в работах, где Раскольников представляют как человека, потерпевшего крах. На что Кожин писал: “при характеристике убийцы Раскольников внутренне предан безусловно справедливости и моральности”. Это парадоксальное суждение Кожина подтверждал ссылкой на труд М. Бахтина “Проблемы поэтики Достоевского”. Статья вызвала отклики. Какая-то учительница литературы возмущалась по телефону:

– Вы (то есть редакция) выступаете против государственной программы обучения. Это безобразие! Вы сбиваете ребят с толку.

После трагической смерти Николая Рубцова я написал о нем и после некоторых сомнений послал “Записки” Вадиму Валериановичу. Он откликнулся письмом:

“12/V-75

Уважаемый Михаил Анатольевич!

Спасибо Вам за живой и интересный “мемуар”. Из того, о чем Вы рассказываете, я знаю сам лишь эпизод с портретами Пушкина, Лермонтова и Некрасова (я был в тот день в т. н. “общаге”).

Я только что сдал в “Сов. Россию” крохотную книжечку о Рубцове, где в одном месте ссылаюсь на Вас (о чемодане – точнее, бауле, набитом рукописями).

Возможно, в Вологде будет организован музей поэта, куда я передам скопившиеся у меня материалы. Если Вы не возражаете, я включу в них и Вашу рукопись.

Всего Вам доброго,
В. Кожин”.

“Книжечка” о Николае Рубцове сыграла существенную роль в открытии читателями подлинного поэта. Она превосходила информационно все бывшие до того рецензии и статьи, посвященные Рубцову. В нее вошли краткая биография поэта и насыщенный анализ его творчества. Разборы текстов написаны не только твердой рукой профессионала, но человеком, любящим и чувствующим природу поэтического слова. “Книжечка” тиражом двадцать тысяч экземпляров в считанные дни была раскуплена, превратилась в раритет.

Жил Вадим Валерианович на улице Мясковского, а рядом, в Староконюшенном переулке, в старом московском доме обитал Юрий Паркаев, друг мой. Они общались. У Паркаевых, Юрия и Валентины, часто собирались интересные люди: литераторы, артисты, коллекционеры. Когда Кожинов узнал, что у них, случается, играет гитарист Орехов, он буквально взмолился:

– Юра! Дайте знать, когда Сергей Дмитриевич прибудет. Я где-нибудь у вас приткнусь незаметно. Хоть в ванной, лишь бы его послушать... Хорошо?..

Я был свидетелем того, как слушал Кожинов у Паркаевых Орехова. Он отказался пройти в комнату, где собрались гости, и остался за закрытой дверью в коридоре. Орехов для начала “прошелся” по струнам, потом стал импровизировать. Это был высокий класс игры: от русских народных мелодий до всплеска цыганщины, от испанских мотивов до чего-то нового, своего. Полчаса пролетели, как одна минута. Кожинов (я видел его в профиле) сидел неподвижно, а когда раздались аплодисменты, снял очки и коснулся платком глаз. Быстро встал, отказался от приглашения хозяина “к столу”, поблагодарил и ушел. Он хотел сберечь впечатление от ореховской гитары, не перебивая его застольными разговорами. Годы спустя он напишет: “Знакомство с искусством Сергея Орехова всегда оказывается настоящим событием или даже потрясением”.

Кожинов и сам играл на гитаре в подражание любимому им Аполлону Григорьеву. Есть у Анатолия Передреева стихотворение, обращенное к другу-критику. В нем знаменательна концовка:

*Еще струна натянута до боли.
Еще душе так непомерно жаль
Той красоты, рожденной
в чистом поле,
Печали той, которой дышит даль...*

*И дорогая русская дорога
Еще слышна — не надо даже слов,
Чтоб разобрать из далека-далёка
Знакомый звон забытых бубенцов.*

Приходилось встречаться с Вадимом Валериановичем в самых разных местах. Бывало, придешь в издательство в выплатной день за гонораром, а в бухгалтерии очередь, и последним в ней Кожинов. Завязывается непринужденный разговор... Или так – за столиком в кафе ЦДЛ собратья по перу обсуждают новый ежегодник “День поэзии”. Появляется Кожинов, подсаживается, его просят высказаться. Он говорит, невзирая на имена, веско, порой с иронией. Бывал я у Вадима Валериановича и на Мясковского. Беседовали о Фете. Когда я заметил, что “Афанасий Афанасьевич и хозяин был рачительный на орловской земле”, Кожинов живо прокомментировал:

– Это в нем немецкая кровь давала себя знать. Он ведь немец по матери. Отсюда – трудолюбие во всем, тяга к порядку, к закону. Ordnung ist Ordnung.

Я спросил, успел ли он заглянуть в подборку стихов моих, что я дал ему на неделю.

– Я их прочел, – ответил Вадим Валерианович, – мне понравилась “Оса”. Он продекламировал:

*И комнатный кубик легко залила
тишина,
Теперь здесь осталась живая душа
лишь одна.*

– Да вы сами-то понимаете, что написали?..

Прошли десятилетия. Читая Ильина, я наткнулся на фразу: “Художник часто знает о своем произведении меньше, чем его произведение высказывает о самом себе”. И мне вспомнился этот давний эпизод.

По случаю выхода в свет книги Кожинова “О русской лирической поэзии” в Малом зале ЦДЛ состоялся вечер. Мы с женой были на нем. Говоря об исключительной роли Пушкина в нашей словесности, Вадим Валерианович отверг распространенное мнение, по которому к дуэльному барьеру поэта толкали сплетни светских салонов. Он напомнил присутствующим сказанное Пушкиным Жуковскому: “Какое мне дело до мнения графини такой-то или княгини такой-то... Единственное мнение, которым я дорожу, есть мнение среднего класса, который в настоящее время является единственно истинно русским”. И еще Кожинов озвучил слова Пушкина, сбереженные памятью Софьи Карамзиной, дочери историка: “Мне нужно... чтобы доброе имя мое и честь были неприкосновенны во всех углах России”.

Кожиновская книга давала читателям общую панораму возникновения и развития русской лирики XIX века: от Пушкина до Блока. Автор привлек к раскрытию темы образцы творчества поэтов “второго” или даже “третьего” ряда, существенно тему обогатив. Ведь имена К. Случевского, К. Фофанова или, допустим, А. А. Голенищева-Кутузова мало что говорили современному читателю, однако без их “присутствия” в поэзии панорама была бы неполной, обедненной.

После бездарной “эпохи Брежнева” Кожинову стало тесно в рамках собственно литературы, он обратился к истории. Его изначальный тезис “Культура порождается историей” способствовал созданию им глубоких, в чем-то неожиданных книг. Поверяя событиями прошлого день нынешний, Кожинов как культуролог предлагает читателям ряд истин. Среди них:

Россия – уникальная цивилизация и культура, русская литература проделала тысячелетний путь развития.

Вполне корректно (не срывая голос, не бия себя в грудь) Кожинов опровергает на фактах западные мифы о России (ее дикости, агрессивности и т. п.). Вывод из **кожиноведения** простой: нам, русским, есть чем гордиться.

Дружба Кожинова с поэтом Юрием Кузнецовым – глава особая.

– У меня душа оттаивает, – признавался он, – когда я слушаю его.

Юрий Кузнецов посвятил Кожинову стихотворение:

*Ты жил от сердца: песни пел
И мысль наслаивал годами.
И черт едва тебя терпел,
Качая русскими горами.*

*Ты даже тенью знаменит.
Но понимал, что в этом мире
Кольцо врагов тебя теснит.
Хотя круги друзей все шире.*

*Какие годы полегли!
Им не подняться... И порою
Печаль — ровесница земли —
В Москве беседует с тобою.*

*И с каждым годом реже свет.
Река времен уже по плечи.
Как написал не твой поэт:
Иных уж нет, а те далече.*

*Еще по-русски говорят,
И там Георгий скачет с пикой,
Где твой сливается закат
С закатом Родины великой.*

...Я вышел из метро “Арбатская” и, подхвачен течением толпы, неся к проспекту. Неожиданно я увидел Вадима Валериановича. Он стоял обособленно у края тротуара и, подняв голову, смотрел вверх на летнее выцветшее солнце, которое садилось за московские крыши. По инерции я сделал и пять, и десять шагов. И не стал возвращаться, чтобы приветствовать его. Думаю, был прав. Так в последний раз я видел Кожинова.